

Георгий
Иряхин

ЖЕНСКИЙ ВЫЗОВ

Впервые с книгой, вернее, тогда ещё рукописью книги Сауле Досжановой я познакомился ещё в начале нынешнего года с настойчивой подачи очень уважаемой мною директора казахской Национальной академической библиотеки Умитхан Муналбаевой. Уже тогда работа Сауле навела меня на многие непростые размышления. Дело в том, что писательница посвятила свой труд предельно горькой и больной теме – последствиям подземных ядерных испытаний в Семипалатинске в пятидесятые годы. Причём последствия эти прослеживаются не в глобальном масштабе, а в очень человеческом – на примере конкретной женской судьбы. Само повествование книги ведётся от первого лица этой женщины. Повествование настолько прочувствованное и детальное, что мне вначале показалось, что всё описываемое в романе пережито ею самой, автором. Что это – талантливо отражённая на бумаге личная трагедия, личный опыт?

Впоследствии я узнал, что это всё-таки пересказ чужой судьбы, вернее, даже многих, обобщённых судеб женщин, с которыми писательница на протяжении нескольких лет общалась, с которыми тесно сопереживала, готовя эту книгу. Лично мне в своё время, в первые годы после ужасной термоядерной катастрофы довелось побывать не просто в Чернобыле, а непосредственно на роковом Четвёртом энергоблоке. Проезжать через омертвевшую Припять, в которой лебеда сухо шелестела на уровне окон вторых этажей. А до этого судьба забрасывала меня и в Хиросиму, где видел я и тени людей, бывших людей, на камнях и слышал погребальный звон самого молчаливого и самого же громкого колокола на земле. Более того, мне привелось на протяжении нескольких её последних лет жизни довольно близко лично знать и страдалицу Раису Горбачёву, которую унесла всё та же лучевая болезнь, полученная ею либо на том же убийце-энергоблоке, на котором она в 1989 году оказалась вместе со мной и её мужем, то ли ещё раньше – ведь Раиса родилась и жила когда-то совсем неподалёку от Семипалатинского полигона.

Я читал и думал о своём. В частности, о том, что вот на смену моему старшему другу Олжасу Сулейменову, поднявшему когда-то в советской литературе семипалатинскую ядерную тему и экологическую панораму её трагических последствий, приходит новое поколение писателей и даже писательниц, бередящих наши души этой незаживающей болью. И может, потому, что в данном случае за перо взялась именно **писательница**, книга и сфокусирована не на глобальном видении, а на одной и вместе с тем всеобъемлющей точке.

Этой точкой в книге Сауле Досжановой представлено женское сердце. А что есть на свете более всеобъемлющее, чем оно? – все боли мира в конечном счёте целят именно в эту крошечную и самую уязвимую мишень.

Теперь же, когда я перечитал эту книгу несколько месяцев спустя, она показалась мне ещё более актуальной. И тому есть очень веская объективная причина. В последнее время человечество как-то всё больше свыкается, сживается со смертью, которая всё чаще и чаще показывает свои зловещие глазницы там и сям по всему миру и почему-то чаще всего именно на нашем родном постсоветском пространстве. Причём человечество начинают потихоньку приваживать, приучать и к призраку смерти глобальной, по существу общечеловеческой – ядерной. В обиход всё чаще впускается, как нитка горящего керосина, тема не так уж и невозможной, пусть для начала превентивной, локальной, но ядерной, термоядерной войны. Как будто сама Судьба, а не только её самонаречённые глашатаи, начинает исподволь приручать Дьявола, а заодно и общественное мнение к почти что неизбежности Невозможного.

И в этом контексте «Трагедия и судьба» Сауле Досжановой, при всех её простительных несовершенствах, является сегодня такой чистой, такой пронзительной и такой **женской** нотой протеста перед культивируемой исподтишка обыденностью Апокалипсиса.

Да, неистовый Олжас передаёт эстафету в хрупкие, но очень мембранные руки. Счастье и горе материнства – завязка романа начинается именно в этой пуповине: героиня, она же автор повествования, рождает ребёнка, сына, заражённого радиацией, которая зацепила когда-то и его отца и даже коснулась своим чёрным крылом и родителей роженицы. Наверное, только женщина может родить такие выразительные, такие пробирающие тебя строки как о самом процессе родов, которые всегда, видимо, являются первородством, так и о первых мгновениях соприкосновения с ею же рождённой новой жизнью. В данном случае – с жизнью уже обречённой, уже подточенной всесокрушающим недугом. О котором она, мать-роженница, уже изначально не только догадывается, но и знает своим сокровенным инстинктом.

В книге много публицистики – иногда автор даже перебарщивает с нею. И всё же самое сильное впечатление производят именно «интимные» страницы, показывающие глубинные переживания женщины, чьё естественное материнское чувство приходит в противоречие с сознанием обречённости произведённой ею на свет новой жизни, с пониманием, что эта новая жизнь не только обречена, но ещё и является в обиходном сознании – лишней.

Эти описания сделаны писательницей сильно и даже жёстко. Язык не поворачивается назвать эту прозу женской – я давно не читал таких суровых строк. Думаю, что в таком письме – не пером, а резцом – есть заслуга и переводчика Госмана Толегула, которого я неплохо знаю по другим работам, и литературного редактора книги Анар Кабдуллиной.

Ещё при первом чтении рукописи я отметил для себя её подкупающую «народность»: в романе немало очень точных и образных наблюдений, примет, сновидений, пословиц и поговорок. Многие из них тесно соприкасаются с русским народным словарём, говором. Марсель Пруст однажды заметил, что мужик и аристократ, в принципе, говорят одним, очень ясным и очень сочным языком. Продолжая эту мысль, можно добавить, что разные народы в глубине,

в первооснове своей тоже выражаются очень сродственно. Хотя есть и нюансы, которые сразу цепляют и внимание, и даже сознание. Я буквально замер, когда прочитал такую приведённую Сауле Досжановой народную казахскую поговорку: «Навстречу орущему всегда выходит ревущий». Как невероятно точно и как универсально: касается не только бытовых, эмоциональных ситуаций, но и куда более глубоких, социальных и даже политических. Не в бровь, а в глаз – причём в глаз именно нынешнего дня!

Хотя есть и некоторые огрехи. Скажем, описывая послеродовую палату, об одной из рожениц, возрастом постарше, чем героиня повествования, автор пишет: «**Усыпив** своего малыша, она обратилась к соседке...» Конечно же, не усыпив, а – **убаюкав**. Но такие шероховатости, их немного, не портят общей впечатляющей картины.

В некоторых моментах описаний современной жизни, в частности, современной женской социальной судьбы, Сауле Досжанова в немалой степени выступает новатором. Очень смело, остро описаны злоключения женщин, занявшихся – не столько для собственного выживания, сколько для вызволения своих попавших в нищету семей, вынужденных заняться новоявленным мешочничеством, а именно – стать челночницами. Причём челночницами, специализирующимися на «китайском направлении». Тут я уловил сразу два предостережения. Одно связано с тем, что сейчас очень вероятно возвращение этого феномена девяностых, когда именно женщины в первую очередь таким торговым бродяжничеством выволакивали семейные экономики. А второе – как бы нам всем вместе и в бытовом, и в более масштабном плане не переоценить благодетельность этого самого «китайского дискурса».

Роман как минимум двупланов. Наряду с огромным несчастьем, свалившимся на молодую семью и связанным с последствиями радиационной заражённости некогда перевозданных мест Казахстана, в нём показано и зарождение новой любви, новой жизни и новой судьбы героини-повествовательницы. Причём зарождение и становление этого чувства идёт по нарастающей параллельно с развитием её другой, рутинной, житейской истории, включая замужество, семейное обустройство и т. д. Показано, начиная с детских, вернее, отроческих лет, как зарождается ручеёк, превращающийся с годами в полноводную и, в общем-то, живительную реку. Героиня с годами находит своё второе счастье и этим самым если и не очастливилывает, то как минимум обнадёживает ещё одного, изначально, казалось бы, тоже обречённого человека. Тема надежды, нота надежды звучит в романе всё явственнее и явственнее – как и нота протеста против вселенского Апокалипсиса.

Эти главы в чём-то напоминают перефраз некогда знаменитого романа Стефана Цвейга «Нетерпение сердца». Только более романтизированный и даже идеализированный: там, где у классика роковой, трагический обрыв, у нашего автора всё-таки – воздушный мост. И я бы не стал судить её, автора, чересчур строго: это ведь тоже своего рода нетерпение – нетерпение надежд и позитивных перемен в нашей такой изматывающей сегодняшней жизни.

Книга «Трагедия и судьба» казахстанской писательницы Сауле Досжановой вызвана жизнью. И к жизни же – зывает. И в этом её главное достоинство.

